

ПУШКИНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА (ПОВЕСТЬ «ЗАТИШЬЕ», РОМАН «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

В статье рассматривается рецепция пушкинских образов в двух произведениях И. С. Тургенева; рассматриваются типы творческих связей конкретных текстов этих художников.

Восприятие, интертекст, ассоциация, реминисценция.

The paper considers comprehension of Pushkin's images in two works by I. S. Turgenev; the types of creative links between certain texts by these writers are considered.

Comprehension, intertext, association, reminiscence.

Введение

И. С. Тургенев по своему художественному мышлению принадлежит к тому типу писателей, в сознании которых, наряду с жизненными впечатлениями, все время присутствуют, а в процессе творчества актуализируются впечатления искусства и литературы. Отсюда в его произведениях столь часты отсылки к разным литературным текстам, упоминание имен русских и европейских писателей.

Особое место в творчестве Тургенева занимает А. С. Пушкин. Обращение к его произведениям мы видим в прямых цитатах из его стихотворений и поэм, в ассоциативных связях с творчеством поэта, наконец, в литературных реминисценциях. Чтение его героями произведений Пушкина – излюбленный прием Тургенева. Многие персонажи повестей и романов писателя читают пушкинские стихи и поэмы, цитируют, говорят и спорят о поэте. Произведения Пушкина, органично включенные в ткань повествования, помогают автору всестороннее представить своих персонажей, проникнуть в их потаенные мысли, уловить движение души и чувства.

Основная часть

В повести «Затишье» (1854) пушкинская тема связана с образом главной героини, Марьи Павловны. М. В. Авдеев писал в 1874 году, что «во всей русской литературе мы не встречаем такой цельной, крупной, такой стройной, хоть несколько грубой женщины», как Марья Павловна» [9, с. 642]. Эта «цельность» героини объяснима особенностями ее духовной культуры. Марья Павловна – молодая девушка, которая вынуждена жить в деревне, в доме М. Н. Ипатова – мужа ее умершей сестры, ибо на ее попечении находятся младшие дети Ипатовых. Марья Павловна имеет малороссийские корни (хотя «в малых летах из родины выехала»), и на родине она получила исключительно домашнее воспитание. Архетип «естественного человека», во многом формирующий образ Марьи Павловны, вступает в сложные, динамические отношения со структурой этого персонажа и отчасти предопределяет трагичность судьбы Марьи Павловны. Тургенев умалчивает о ее внутреннем мире, чувствах, не пользуясь правом всеведения, данным автору. Тем не менее, очевидно, что доброта, самоот-

верженность, даже жертвенность определяет ее нравственный облик. Другое ее достоинство – простота, естественность поведения и природная органичность натуры. Именно это больше всего ценит в ней Петр Алексеевич Веретьев: «...Я люблю вас за то, что вы не умничаете, что вы горды, молчаливы, книг не читаете, стихов не любите» [9, с. 421]. Действительно, сфера искусства ограничивается для нее музыкой (причем, это народные песни) и домашними театральными постановками соседей Веретьевых, а литература вызывает у нее устойчивое неприятие. Ее подруга и соседка – Надежда Алексеевна Веретьева – передает слова Марьи Павловны: «...она находит, что все это сочинено, все неправда; этого-то она и не любит» [9, с. 402]. Это простое, по сути, объяснение содержит в себе принципиально важную мысль о характере восприятия ею искусства, представляющем собой достаточно распространенный тип эстетической рецепции. Главным здесь оказывается критерий правды, точнее, правдоподобия, ибо речь идет не о понимании истины художественного изображения жизни, но о восприятии литературного произведения как аналога действительности. В подобных ситуациях возникает уподобление себя герою и ситуации, но нет отстранения от них, которые предполагают оценку, размышление, интерпретацию. В этом случае читатель (зритель, слушатель) не способен оценить ту полноту смысла, которую несет в себе произведение искусства, не способен прислушаться к авторской точке зрения, осознать ту высшую гармонию отношения к жизни, которая неизбежно присутствует в подлинно художественном создании. Подобный тип восприятия искусства характерен и для Марьи Павловны, во многом объясняя ее реакцию на стихотворение Пушкина «Анчар», которое невольно сыграло роковую роль в ее судьбе.

Она слышит эти стихи от случайного в их доме (и в ее жизни) человека, соседа по имени – Владимира Сергеевича Астахова – и испытывает едва ли ни потрясение. Марья Павловна просит Астахова прочитать их еще раз и переписать для нее. Включение Тургеневым пушкинского «Анчара» в текст повести позволяет говорить о явлении, которое Ю. М. Лотман обозначил как «текст в тексте». «Текст представляет собой устройство, образованное как систе-

ма разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение», [2, с. 151] – разъясняет эту функцию Ю. М. Лотман. Учитывая интертекстуальную природу произведения, можно сказать, что в «Затишье» пушкинский текст выполняет функцию порождения новых смыслов. Важно – какие это смыслы и как они корреспондируют с константным семантическим ядром цитируемого текста.

Представитель психологического направления литературоведения, В. И. Харциев, в статье «Основы поэтики А. А. Потебни» (1911) на примере повести «Затишье» рассматривает вопрос о функционировании поэтического образа уже за пределами творчества его автора. Настаивая на абсолютной свободе, безграничности читательского истолкования произведения, Харциев – в качестве подтверждения – ссылается на восприятие Марьей Павловной пушкинского текста. По мнению исследователя, она переживает и понимает пушкинский «Анчар» исключительно субъективно, в свете своей любви. Исследователь пишет: «Такое применение образа далеко отличается от того, какое можно было бы ожидать, и какого, может быть, ждал Пушкин» [10, с. 79–80]. Вместе с тем психологическая реакция Марьи Павловны на стихотворение «Анчар», считает исследователь, вполне объяснима: «Она чутко прислушалась к стихам, она жадно схватила образ, в ее душе произошел бурный процесс вдохновенного понимания; в ее душе, тяжелым кошмаром угнетенной, лежал запас мыслей и чувств, в сознании которых сыграл видную роль... Веретьев» [10, с. 79]. Стихи Пушкина настолько захватывает Марью Павловну, что она просит Астахова прочитать их еще раз и переписать для нее. Ночью она ходит по саду, повторяя эти стихи, и до слуха Астахова доносятся строки:

«Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом...»
[9, с. 407].

Цитирование произведений Пушкина – характерная особенность тургеневской поэтики, словно пронизанной интертекстуальными связями с пушкинскими текстами. Несомненно, «Анчар» оказался выразителем душевного состояния самой Марьи Павловны. Ей близок образ «человека под чужой властью», раба, потому что ее любовь к Веретьеву напоминает отношения владыки и раба из пушкинского стихотворения. Это становится понятно из эпизода, когда она читает «Анчар» Веретьеву. Композиционно в стихотворении можно выделить две части: первая описывает ядовитое дерево, вторая – раскрывают тему власти одного человека над другим. Для Марьи Павловны принципиально важной оказывается вторая часть; поэтому она почти не замечает центральный образ стихотворения – образ анчара. Неслучайно, как подчеркивает Тургенев, она читает вторую часть с особой интонацией; и писатель, устами своей героини, цитирует ее именно: первый раз, когда Марья Павловна читает Пушкина ночью в саду, наедине сама с собой; второй – при свидании с Веретьевым. Читая пушкинское стихотворение, она, по сути, не

только говорит Веретьеву о своей любви, но признается в бесконечной силе этого чувства, доходящей до самоотречения. Когда Марья Павловна доходит до кульминации второй части:

«И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки...»

– «ее голос задрожал, недвижные, надменные брови приподнялись наивно, как у девочки, и глаза с невольной преданностью остановились на Веретьеве...» [9, с. 421]. Ассоциативная связь любовной темы в повести «Затишье» с «Анчаром» позволяет трактовать ее – на уровне авторской концепции – как тему рока, таинственной силы, которая дает человеку ощущение безграничной власти над ним другого, оказывается близкой рабству и таит в себе опасность уничтожения. В. М. Маркович комментирует специфику этой психологической ситуации: «...рабство это необычное: оно ведет человека к гибели, одновременно уничтожая естественный человеческий страх перед ней» [3, с. 278]. По мысли исследователя, если учитывать иерархию тургеневских персонажей по их способности или неспособности к страсти, то это жертвенное самозабвение Марьи Павловны роднит ее страсть с высшими проявлениями духовности. Парадоксально, но оказывается, что духовное возвышение героини ведет не к свободе, а к порабощению. В этой ситуации ее самоубийство становится почти неизбежным.

В творчестве Тургенева есть произведения, в которых Пушкин занимает особое место. К ним, несомненно, относится и роман «Отцы и дети» (1861). Можно сказать, что поэт здесь оказывается едва ли не самостоятельным «персонажем», который появляется вместе с героями с первых страниц романа; причем, отношение к Пушкину становится своего рода знаком их принадлежности «отцам» или «детям».

Одна из первых сцен романа изображает встречу после долгой разлуки Николая Петровича Кирсанова со своим сыном: «... что за чудный день сегодня!», – восхищается Аркадий. «Для твоего приезда, душа моя, – отвечает Николай Петрович. – Да, весна в полном блеске. А впрочем, я согласен с Пушкиным – помнишь, в Евгении Онегине:

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое...

– Аркадий! – раздался из тарантаса голос Базарова, – пришли мне спичку, нечем трубку раскурить» [8, с. 177]. Николай Петрович, цитируя поэта, передает собственное ощущение от красоты пробуждающейся природы, которое вносит элегическую нотку грусти в радостное состояние встречи отца с сыном. Однако Базаров намерено перебивает его, и с этого момента чувствуется возможность потенциального конфликта. Показательная сама реакция отца и сына на казалось бы случайную реплику Базарова: «Николай Петрович умолк, а Аркадий, который начал было слушать его не без некоторого изумле-

ния, но и не без сочувствия, поспешил достать из кармана серебряную коробочку со спичками и послал ее Базарову с Петром» [8, с. 177].

Стихи Пушкина, которые читает отец, воспринимаются Аркадием «не без некоего изумления, но и не без сочувствия»; для Базарова же они – пережиток прошлого, проявление сентиментально-романтического отношения к жизни. Из случайно подслушанного разговора между сыном и его приятелем Николай Петрович с горечью узнает, что «он человек отставной, его песенка спета» [8, с. 181]; и причиной такого отношения к нему молодого нигилиста является, прежде всего, чтение Пушкина, как и игра на виолончели, романтическое отношение к природе и пр. И если в этой сцене реакция Базарова на поэзию Пушкина является косвенной, то чуть позднее она окажется непосредственной. Николай Петрович рассказывает об этом брату: «...а они говорят, что песенка моя спета. Да что, брат, я сам начинаю думать, что она точно спета.

– Это почему?

– А вот почему. Сегодня я сижу да читаю Пушкина... помнится, «Цыгане» мне попались... Вдруг Аркадий подходит ко мне и молча, с таким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, отнял у меня книгу и положил передо мной другую, немецкую... улыбнулся, и ушел, и Пушкина унес» [8, с. 209].

Неслучайно Базаров советует Аркадию: «Третье-го дня, я смотрю, он Пушкина читает. Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он не мальчик: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтиком в нынешнее время! Дай ему что-нибудь дельное почитать» [8, с. 209].

Упоминание в романе поэмы Пушкина «Цыганы» не случайно. Тургеневская концепция любви оказывается близка той роковой страсти, которую изобразил Пушкин в поэме. Она как бы предвосхищает дальнейшие события и усиливает представления о любви как страсти, неподвластной человеку и определяющей его судьбу. Таким образом, благодаря поэме Пушкина, по справедливому замечанию Л. Н. Сарбаш, в романе возникает «метафизический уровень осмысления конкретных жизненных явлений» [6, с. 48].

Писатель, очевидно, полагал, что в сознании образованного читателя романа возникнут ассоциации с пушкинской поэмой, прежде всего, словами отца Земфиры: «Твое уныние безрассудно: ты любишь горестно и трудно» [5, с. 176], которые воспринимаются в контексте основной мысли поэмы о силе человеческих страстей: «И всюду страсти роковые и от судеб защиты нет» [5, с. 176]. Евгений Базаров тоже окажется во власти любви, как и пушкинские старик-цыган, Мариула, Земфира, Алеко, и не сможет преодолеть неподвластного ему чувства к Одинцовой.

Базаров не совершал таких «эффектных» поступков, которые описаны в «Цыганах», но решающий спор с Павлом Петровичем уже напоминает «схватку». Так, завершая их словесный поединок, Базаров говорит: «...а мы пока с Аркадием будем...

– Надо всем глумиться, – подхватил Павел Петрович.

– Нет, лягушек резать. Пойдем, Аркадий; до свидания, господа» [8, с. 219]. Базаров, полюбив Одинцову, понимает, что в чем-то нарушает собственные жизненные принципы, и поэтому с особым ожесточением нападает на поэзию Пушкина, делая поэта символом враждебного ему романтического мира. Так, например, в споре с Аркадием, Базаров намеренно искаженно цитирует поэта, заведомо зная, что он ничего подобного не писал: «Однако мы довольно философствовали. «Природа навеивает молчание сна», – сказал Пушкин. – Никогда он ничего подобного не сказал, – промолвил Аркадий. – Ну, не сказал, так мог и должен был сказать, в качестве поэта. Кстати, он, должно быть, в военной службе служил. – Пушкин никогда не был военным! – Помилуй, у него на каждой странице: на бой, на бой! за честь России! – Что ты это за небылицы выдумываешь! Ведь это клевета наконец. – Клевета? Эка важность! Вот вздумал каким словом испугать! Какую клевету ни взведи на человека, он, в сущности, заслуживает в двадцать раз хуже того» [8, с. 294]. В этом сложном диалоге – споре видно, что Базаров, апеллируя к Пушкину, высказывает весьма неоднозначное отношение к поэту. Но упоминание его имени говорит о том, что Пушкин был все-таки для него знакомой и значимой фигурой и, по словам А. Западова, при внимательном прочтении романа видно, «что в этой нелюбви больше политики, чем незнания или непонимания литературы» [1, с. 206].

Выводы

Самому Тургеневу, очевидно, ближе всего было пушкинское «классическое чувства меры и гармонии» [7, с. 75]. Поэт и его поэзия присутствуют в его творчестве, – как пишет Н. Н. Мостовская, – в «разных ипостасях: и как эталон поэтического мастерства, и как утверждение естественности и автономности искусства среди прочих законных проявлений общественной жизни, и как органическое слияние реального и идеального в искусстве, отражение в нем трагического, философского и лирически просветленного» [4, с. 29]. Правда, этот авторский идеал далеко не всегда способны разделить и осознать его герои.

Литература

1. Западов, А. Недочитанные строки / А. Западов, Е. Соколова. – М., 1979.
2. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин, 1992.
3. Маркович, В. М. О «трагическом значении любви» в повестях И.С. Тургенева 1850-х годов / В. М. Маркович // Избранные работы. – СПб., 2008.
4. Мостовская, Н. Н. «Пушкинское» в творчестве Тургенева / Н. Н. Мостовская // Русская литература. – 1997. – № 1.
5. Пушкин, А. С. Поэмы / А. С. Пушкин. – М., 1978.
6. Сарбаш, Л. Н. Произведения искусства в романах И.С. Тургенева 50–60-годов / Л. Н. Сарбаш. – Чебоксары, 2004.
7. Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. / И.С. Тургенев. – М., 1961–1968. – Т. 3.

8. Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12 т. – М., 1954. – Т. 3.
9. Тургенев, И. С. Затишье / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем.: в 30 т. – М., 1980. – Т. 4.

10. Харциев, В. Основы поэтики А. А. Потебни / В. Харциев // Вопросы теории и психологии творчества. – Харьков, 1911. – Т. 2. – Вып. 2.

УДК 81:1

А. А. Гончарова

*Научный руководитель: доктор философских наук, профессор А. С. Анисимов
Сергиево-Посадский гуманитарный институт*

ВКЛАД ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ В ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В данной статье рассматриваются лингвофилософские воззрения Данте Алигьери. Целью исследования является выявление его вклада в формирование современной философии языка. Исторический и сравнительный анализ опирается как на первоисточники, так и на данные современной научной литературы. Установлено, что Данте Алигьери является основоположником двух важнейших направлений философии языка. Первое касается взаимосвязи языка и национального мышления. Второе связано с поисками универсального языка научной коммуникации. Кроме того, автор отмечает роль воззрений рассматриваемого философа в преподавании иностранных языков. Результаты исследования могут быть заданы новым вектором в изучении истории философии языка, а также быть использованными для повышения эффективности обучения иностранным языкам в учреждениях высшего и среднего профессионального образования.

Данте Алигьери, философия языка, национальное мышление, этнолингвистика, лингвопроектирование, научный язык, народный язык, обучение языкам.

Dante Alighieri's linguistic philosophic views are considered in this article. The purpose of the research is to find out his contribution to the formation of the modern linguistic philosophy. Historical and comparative analysis is based on the original sources, as well as on evidence from the modern scientific literature.

Findings: The author finds out that Dante Alighieri was a founder of two important fields of the linguistic philosophy. The first one concerns the interrelation between language and national thinking. The second one is related to the search for universal scientific communication language. Moreover, the author highlights the role of this philosopher's views in foreign language teaching.

Theoretical value: This research results can start a new trend in the in-depth study of linguistic philosophy history. Besides, they can be used to increase in the efficiency of language teaching in the higher and vocational educational institutions.

Dante Alighieri, linguistic philosophy, national thinking, Ethnolinguistics, linguistics projection, scientific language, popular language, language teaching.

Введение

Мысль и язык являются одними из главных проявлений человеческого духа. Все человеческое в человеке изучают гуманитарные науки, а именно с актуализацией гуманитарного знания связывают эпоху Ренессанса. Как схоластика является главным смыслом Средневековья (как форма философствования она отражала ключевые достоинства и недостатки данной эпохи), так и гуманизм символизирует эпоху Возрождения. Вопросы мышления и языка в их взаимосвязи в указанный период являлись одними из важнейших философских изысканий данного периода. Особого внимания заслуживают проблемы языка: борьба за чистоту литературного языка имела большое значение для развития философии, итальянские гуманисты стремились к реконструкции Цицероновской латыни и превозносили языковой пуризм.

Российский исследователь итальянского Возрождения А. Х. Горфункель писал, что полемика, разгоревшаяся в данный период вокруг языка, не ограничивалась восстановлением чистоты латинской речи. Гуманисты пытались изменить язык самой культуры, отказываясь от языка схоластики и переходя тем самым к принципиально новому методу философствования. Поскольку технический язык университетской

науки отвергался и заменялся на язык литературной культуры, философия восстанавливала свои связи с искусством (в частности, поэзией) и ораторским красноречием. Философы эпохи Ренессанса отдалялись от строго формализованной структуры, присущей схоластическим трудам, их сочинения отличались свободным построением и жанровым разнообразием. Таким образом, философия приобщалась сначала к латинской словесности, а позже – и к национальной литературе [7].

Актуальность данной статьи заключается в том, что, хотя работы в области языкознания эпохи Возрождения нередко относят к донаучному знанию, именно в этот период язык стал в большей степени пониматься как социальное явление, неизбежно и необходимо развивающееся. Многие гуманисты поставили филологию и риторику в центр своей философии. Отношение к языкознанию Ренессанса долгое время было скептическим, и лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. минувшего века в результате многочисленных международных научных симпозиумов и конгрессов роль языкового самосознания XV–XVI вв. была переоценена. Эпоха Возрождения была признана рассветом современной науки о языке, а Данте Алигьери – первым поэтом-философом, кото-